

А. Шалыгин

ПОЦЕЛУЕ
МОСТ

ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА
ОДНОГО ПОЭТА

Алексей Шалыгин

Вехи творчества одного поэта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17035114

ISBN 9785447442781

Аннотация

Что необычного в этой книге? – спросите вы. Простых ответов нет. Пойдите, есть версия «Carpe Diem» (моего давнего друга – Горация), и она не безнадежна. Глоток воздуха у моря, двойной эспрессо натошак, прохлада осеннего утра, ослепительный снег горных вершин в синеве чистого неба – эти впечатления (и не только) вырывают человека из цепких лап материальной предопределенности. В эти мгновения светлые мысли, вжатые в грубую оболочку текста, дают уникальный шанс – «идти глубже поверхности».

Содержание

Взгляд через века	9
Детство (клондайк впечатлений и колыбель творчества)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вехи творчества одного поэта Алексей Шалыгин

*И в этих тонкостях теней
есть яркий свет грядущих дней!*
Алексей Шалыгин

© Алексей Шалыгин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– О чем эта книга? Что в ней необычного? – спросите вы.

– Не знаю. Простых ответов для вас у меня нет. Хотя постойте, версия «Сapre Diem» (моего давнего друга – Горация), возможно станет и не такой уж безнадежной.

Глоток воздуха у моря, двойной эспрессо натоцкак, прохлада осеннего утра, «Вокзал Сен-Лазар» (в палитре импрессионизма Жана Клода Моне), ослепительный снег горных вершин в синеве чистого неба – подобные впечатления (и не только), на разных жизненных этапах позволяют человеку вырваться из цепких лап материальной предопределенности. Некогда утраченная целостность взглядов восполняется состоянием внутренней свободы. В эти мгновения причастность к творчеству становится неоспоримой, выбор сердца – моментом истины. Светлые мысли, вжа-

тые в грубую оболочку текста, дают уникальный шанс – «идти глубже поверхности».

Эта книга о лучшем, что может сделать человек для своей внутренней свободы

– Хотели бы вы никогда в жизни не работать? – Конечно, но как?

– Очень просто: влюбиться в то, что вы будете делать...

Рей Бредбери

Первый осознанный творческий момент в моей жизни произошел, когда мне было около трех. В осенний вечер 1982 года, находясь на верхней полке купе поезда «Ужгород – Киев», через окно я внимательно разглядывал окружающий мир. Сумерки сгущали краски. Последние просветы неба смиренно покорялись неумолимо наступающей темноте. Дотлевающие лучи заката и стук колес несущегося поезда миротворяли. В поле зрения все время попадала близлежащая железнодорожная колея. В движении, ее шпалы и рельсы теряли четкие очертания, сливаясь с все более темным фоном земли.

Однако не только этим объяснялось романтическое состояние моей души. Мечтательные образы завладевали моим внутренним миром еще задолго, до того момента, когда поезд тронулся. В возрасте маленького ребенка любая поездка представляется целым приключением. Неожиданно для себя

я произнес вслух слова: «Земля – темна». Казалось, в них не было ничего особенного (*гораздо позже я понял, что слова – слишком грубая оболочка для тонких внутренних смыслов*), однако с удивлением я обнаружил, что эта невольно вырвавшееся фраза произвела переполох. Манера ее произнесения и серьезная задумчивость, читавшееся в мимике детского лица, добавляли «мистики» происходящему. Глаза родителей недвусмысленно намекали на то, что произошло нечто неординарное. То, что от меня совершенно не ожидали.

Попытки докопаться до сути причин, доведших их сынишку до состояния столь «глубокой» драматургии, не принесли результата. Тайна не раскрывалась еще долго и состояние неопределенности длилось вплоть до старших классов школы, когда случилось событие, впервые заставившее меня задуматься над ценностью открытых в себе талантов.

В 11 классе, на уроке русской литературы, в присутствии всего класса меня попросили встать. Написанное на одном духу, сочинение на тему рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека» стало причиной столь радикальных действий учителя. Я обвинялся в плагиате. Использование материалов критиков в тексте работы, по ее мнению, было несомненным. Судья, заранее знавшая приговор (сообщать читателю о том, что это была не самая любимая учительница – было бы лишним), не желала и слышать о каких-то оправданиях. Более того, список пополнился новым обвинением. Мое

оспаривающее роптание (я имел все основания защищаться) стало причиной крайнего эмоционального возбуждения женщины. Войдя в раж, не на шутку разбушевавшийся педагог предположила, что автор сочинения даже и не читал упомянутый рассказ. Однако учитывая особую тяжесть второго обвинения, оно, по ее мнению, все-таки требовало проверки. Получив исчерпывающие ответы на все вопросы, касающиеся тонких деталей сюжетной линии рассказа (поразившего меня в 16 лет до мозга костей), убедившись в бесперспективности своей затеи, педагогу ничего не оставалось, как оправдать меня по второй части обвинения. Отступить дальше было некуда. Дело было в репутации. Признать свою неправоту еще и по первой части обвинений – означало капитулировать – нанести непоправимый урон авторитету.

Ретируясь, значительно ослабшими децибелами и уже более дружелюбным тоном педагог оставила обвинение в плагиате в силе. Мои дальнейшие попытки апеллировать и возражать остались без внимания, от моих аргументов отмахнулись рукой.

Честно признаться – я не был особо расстроен. Обижаться было некогда – я был на взлете. Меня радовало то, что я узнал столько нового об авторе сочинения (по крайней мере, он мог спокойно записать себя в ряды критиков!). Впервые, сильное вдохновение позволило мне подкрепить мои давние амбиции на одаренность реальными действиями и вырасти в своих глазах. Кроме этого, будучи оптимистом и впечат-

лительным человеком я помнил фразу из любимого фильма «Индиана Джонс. Последний крестовый поход»: **«Сегодня, сынок, ты проиграл, но это совсем не означает, что ты должен умереть».**

Проявляя сильный интерес к теме, проигранной мною баталии (полагая, что справедливость должна все-таки восторжествовать), некоторые из друзей одноклассников проявили естественное желание ознакомиться с оригиналом рукописи. К моему изумлению вердикт, вынесенный учителем, был ими подтверждён. Никто из них не смог поверить в оригинальность мыслей автора.

Впрочем, теперь можно признаться, что плагиат в каком-то виде все-таки имел место. Мама, обычно черкавшая мои сочинения и вдоль и в поперёк, на этот раз, заменила в тексте сочинения одно единственное слово.

Ранее, механическая память, работавшая при переписывании отчеканенных мамой текстов, способствовала приобретению навыков простоты изложения мыслей. Однако школьное событие стало переломным моментом. Точка невозврата была пройдена. Начинался мой самостоятельный путь к вершинам творчества.

Взгляд через века

Каждый человек имеет талант. Иногда и не один, но ощущение творческого голода испытывается не всеми. В итоге лучшая приправа к блюду «жизнь» остается неиспробованной.

Бывает, люди ограждаются рядом вымышленных проблем, оправдывая свое бездействие и лень. Аргументы в духе: «я и так не успеваю, а где взять время ещё и на творчество?», «в жизни и других проблем хватает», «а отдыхать когда?» наряду с самым веским аргументом: «Я и так Гений!» кажутся нам весьма убедительными. В таких случаях, происходит то, о чем Франц Кафка выразился приблизительно так: «Стоит только прислушаться к злу, как оно уже не просит, чтобы ему верили».

Иногда человек убежден – жизнь удалась. Случай этот, как говорят – «тяжелый». Будучи относительно благополучными в карьере и в начинаниях, приносящих стабильный доход, люди едва ли готовы идти на риск развития своих истинных (самых ярких) талантов ради высших идей, благ и целей. Если человек талантлив, он и так в той или иной мере используют творчество в решении повседневных задач. При этом глубоко в него не погружаясь, он вряд ли отдает себе отчет в том, что уровень раскрытия его талантов остается посредственным.

Что же иногда заставляет людей рисковать, идти глубже поверхности¹? Не привязываться к социальным стереотипам (карьера, статус, престиж), мешающим творческому продвижению. На это есть простые ответы: «Очень опасно утратить ощущение духовной радости, разменять его на медные пятаки животного наслаждения²». Без духовной радости не будет внутренней свободы. Исключительного состояния, когда мечты находят продолжение в любимом деле человека, нераздельно связанным с его творческим потенциалом. Когда этот потенциал в течении жизни раскрывается все больше и больше.

Высокие цели не принесли несметных богатств Гансу Себастьяну Баху или финансовую беззаботность Вальтеру Скотту. Однако пожелтевшие страницы «Айвенго» и звуки *органной музыки* еще не раз освежат бытность человека мыслями о вечном.

Архитектор Антонио Гауди, на каком-то этапе кардинально изменив отношение к жизни, не придавал значения одежде. В итоге, когда его сбил трамвай, его ошибочно приняли за бродягу, не оказав должной медицинской помощи. Случай печальный, но красота мечты гениального архитектора в сочетании с благородными стремлениями, воплощенными

---

¹ «Тот, кто идет глубже поверхности, обречен на риск» – Оскар Уайльд.

² Елена Ванслова, послесловие к сборнику рассказов Брэдли «Добро по кругу»

в La Sagrada Familia³, на фоне солнечного неба Барселоны дарят этому вероломному миру **еще один шанс искупления пороков.**

Путь творчества (погружение на глубину) это всегда риск. Риск остаться без денег, утратить лоск внешнего вида и безоблачность взгляда. Но пожалуй это и единственная возможность спасти себя.

Тем не менее, коммерческий успех творческому человеку необходим. И не по причине сугубо материальных притязаний (связанных с жадой наживы), а для того, чтобы не отвлекаться на вещи, требующие безусловного внимания (еда и кров). С другой стороны давно известно, что с набитым желудком про остроту мысленных реакций говорить не приходится. Крупные банкноты в тугом кошельке притупляют восприятие, особенно в тех случаях, когда испытывается синдром звездной болезни. Как же балансировать между голодом и пресыщением?

Наверно, универсального рецепта не существует. Эти тайные механизмы спрятаны в нас. Найти их можно ответив на вопросы: а кто собственно мы (я), что же в нас так уникально? О чем наши мечты? Иногда только власти провидения (Творцу) дано открывать нам эти тайны. Будущим художникам и поэтам необходимо обратить внимание на сущность людей, для которых творчество – вся жизнь. Пообщаться с ними. Посмотреть украдкой на небрежно раскидан-

---

³ Храм Святого Семейства в Барселоне

ные пласты творчества, преданные забвению.

Осенью 2014 года легенда современной мультипликации и мультфильмов нашего детства Гарри Бардин и известный американский аниматор Билл Плимpton презентовали в Киве свои свежие работы.

Всемирно известные и титулованные режиссеры (обоих аниматоров в свое время приглашали на работу в Walt-Disney) хорошо знали друг друга и привыкли творить руками, не прибегая к инструментам компьютерной графики. Эскизы кадров с персонажами и героями мультипликаций изготавливались собственноручно. Этот консерватизм многим пришелся по душе. Ведь в рукотворном всегда есть нечто большее, чем просто форма.

Ожидания не обманули. Работы (мультфильмы взрослой направленности) мастеров оказались нетривиальными. Несмотря на схожесть творческих целей – стили анимации различались. Самым ярким впечатлением стала не драматургия работ режиссёров, а их собственная драматургия.

Гарри Бардин после просмотра его работ, полностью посвящал себя общению со зрителем. Во время обсуждения, его слова окрыляли прямоотой, человечностью, искренностью и открытостью. Казалось он вообще, отрешен от всего материального и коммерческого.

Американец же на своем представлении заблаговременно организовал прилавок. Зрителю предлагались покадровые эскизы показанного мультфильма, различного уровня

детализации. В зависимости от этого варьировалась цена. Плимптон как и Бардин приветливо и охотно делился своими мыслями, но чего-то в американце не хватало. Душевности? Или первый взгляд был просто необъективен? Нет, что-то все же мы улавливали. Различие чувствовалось не только в стилях и творческих методах художников. Банально, но скорее всего, их скрытая антиподная природа объяснялась различием культур запада и востока.

Неудивительно, что по духу Бардин большинству в зале пришелся гораздо ближе. Однако выносить осуждающий вердикт Плимптону (одаренному профессионалу и мастеру своего дела) было бы несправедливо. Коммерческие идеи не сильно вредили его творчеству.

Глядя на этих людей, кажется, что жизненная схема проста – развивать таланты, творить, этим и зарабатывать на жизнь. Парадокс в том, что далеко не все, что гениально, принадлежит сфере коммерции. Пребывая не в тренде времени, некоторые мастера его значительно опережают. Незамеченные современниками, их творчество проходит сквозь время, обретая новые смыслы и значения в будущем. Главный вопрос – готовы ли вы поставить на кон все усилия ради творчества, если шансы достичь славы в этой жизни кажутся вам не слишком большими?

Возьмем, к примеру, биографию Шопенгауэра. Вначале он был весьма непопулярен. Посещаемость его лекций в Берлинском университете была ничтожной в сравнении с напол-

нением аудиторий на лекциях Гегеля. Издаваемая литература – макулатурой. Только к концу жизни, как отметил сам философ: «Наступил рассвет его славы». Как бы там ни было – успех был достигнут при жизни! Но далеко не всем так «везет».

Вы можете сказать: «Ничто не мешает найти себя в хобби». «И смириться с перспективой навсегда остаться дилетантом?» – спрошу я.

Яркие события жизни на разных этапах (в детстве, юности и взрослой жизни) остро и внезапно открыли мне мою причастность к творчеству. С первого момента открытий, я не утратил безрассудства. Благодаря его необузданным порывам и притязаниям на гениальность (пусть часто и наивным), я ощущал вкус творческой свободы, каждый раз одерживая победу над материальной предопределённостью!

Выбирая сердцем, я вижу этот мир в ином измерении – духовном и эта рукопись не что иное, как перелом в осознанности факта давно сделанного выбора. Надеюсь, что наконец-то, минуя кладбище талантов, я полностью окунусь в то, что меня увлекает больше.

Но чтобы не случилось, Слава Богу за все!

Детство (клондайк впечатлений и колыбель творчества)

Баллада о детстве

*Я обещал – быть выше.
Любых земных мерил.
Я критиков не слышал.
Я их – благословил!*

*Я обещал быть чище.
Хандрил, изнемогал.
И вкус духовной пищи,
Я отроком познал*

*Я обещал оспорить, —
Законы бытия.
И в этом буйства вздоре,
Ковалась суть моя*

*Я обещал быть смелым,
И оседлать мечту,
Полетом снега белым,
ВОЗВЫСИТЬ черноту*

*Я обещал быть вольным,
И сольным – навсегда.
Порою было больно,
Стать Фениксом из льда*

*Я обещал до днища,
В глаза ее смотреть.
Семейной скукотищей,
Не вздумать заболеть*

*Я обещал вернуться,
Нащупать пульсом грудь,
От счастья востепенуться,
В прыжке на «Млечный путь»»*

*Мечты на радость сбылись!
(Как я и обещал).
А сны – УКОРЕНИЛИСЬ!
Собой я, братцы, стал!*

2011

Незабываемость ощущений первых открытий детства неоднократно обращает взоры уже взрослых людей к самой прекрасной поре жизни. В некоторых драмах жизни (моментах сильных потрясений) человеку просто необходимо снова себя найти и вспомнить главное – добро всегда победит!

Воображение ребенка (палитрой невероятных по глубине цветов) охватывает не один мир, а заносчивая фантазия – не одну вселенную. В детстве благодаря воображению, мы искренне верим в то, что будем жить в лучшем мире и сыграем в этих изменениях к лучшему не последнюю роль («...»

на роли героев мы вводим себя»⁴). Льюис Кэррол ставит этот феномен человека выше приобретенных знаний.

***Шляпник** – Уж полночь, стайки брызгачков
сныкают средь высоких брав
В куствях ворвочит брынгалов,
кравычу доклевав*

***Алиса** – Прости, что это было?*

***Шляпник** – Что было что?
Вон Брандашмыг вострит усы,
Угрозлив рык, чернучен зрак.
Но Бормоглот, запомни сын
Твой первоклятый враг.
Занес он меч главу отсечь,
Зиг-змах!! И чудище у пят,
Кровит в грязи.
Врага сразив,
Он затриумфил вспять.
Это все в твою честь!*

*Льюис Кэрролл Алиса в стране чудес
(инсценировка Линда Вулвертон,
И. Андык, В. Глазков)*

Дети свободно пересекают границу между фантазией

---

⁴ В. Высокий, «Баллада о борьбе»

и реальностью⁵. С первыми зорями сознания мы начинаем открывать прекрасное и гениальное в бесконечном множестве тонких граней творчества, постигать силу его глубоких смыслов.

В своих первых рисунках, стихах, спонтанных (но глубоких и изобилующих образностью) мыслях дети выявляют строгую закономерность – взрослым идет смена. Достойная смена рождает надежду. Надежду на то, что в будущем в отношениях между людьми будет больше открытости, искренности и откровенности. И ничего, что дети совершат свои «ошибки выбора», главное, – самостоятельность принятия решений. Ведь самостоятельный выбор станет единственным правильным из всех возможных альтернатив.

«Дети не могут понять старости и смерти, жизнь для них – прежде всего безграничное «сегодня»⁶. В детстве (когда время как будто стоит на месте) мы не привыкли особо переживать насчет будущего, ведь на интуитивном уровне чувствуем, что можем все. А главный козырь этого аргумента в критическом уточнении – у нас все впереди.

Ф. С. Фитцджеральд словами героя романа «Великий Гэтсби» выразил блестящую мысль: «Если тебе вдруг захочется осудить кого-то... вспомни, что не все люди на свете

---

⁵ Елена Ванслова, послесловие к сборнику рассказов Брэдбери «Добро по кругу»

⁶ Елена Ванслова, послесловие к сборнику рассказов Брэдбери «Добро по кругу»

обладают теми преимуществами, которыми обладал ты». Я благодарен родителям за то, что я обладаю многими преимуществами и некоторыми из них – с детства!

«We didn't start the fire»⁷

Что-ж, начнем!

Итак, в том же возрасте и в том же году, в котором афоризм «Земля – темна» обрел семейную крылатость, мое сознание уже достаточно окрепло, чтобы фиксировать необычные «явления». Воображение и творческий подход в душе и сердце всегда позволял добавлять красочности оценке деталей происходящего.

В те же три, мне представился редкий шанс, спуститься на землю с высоты птичьего полета не совсем традиционным способом (по лестнице или с помощью лифта). Мне предложили это сделать с балкона девятого этажа в альпинистском снаряжении. Первая серьезная в жизни доза адреналина не поколебала во мне решимость и бесстрашие (даже сейчас я продолжаю гордиться собой). Я был просто в восторге от идеи «испытать» узлы альпинистской связки, ведь ее предложил мой папа. Человек, которому я бесконечно доверял. Но мама в этом испытании (а согласитесь – было бы, что вспомнить) проявила вполне естественную женскую сла-

---

⁷ Песня Билла Джоэла. Текст включает краткие акценты на самые драматичные события современной истории между 1949 и 1989 годами (годами рождения Билла Джоэла и 50-летия музыканта). Замысел песни возник еще в 40-летнем возрасте музыканта.

бость. Отцу пришлось принять ее обоснованные протесты и не воплощать задуманное. Я был глубоко разочарован.

Родители вместе часто ходили в горы. Когда-то папа маме сказал: «Если ты меня не отпустишь в горы – я умру». Пришлось маме идти в горы вместе с папой.

В 1986 случилась Чернобыльская авария. Тогда мне было семь лет и пора было собираться в школу. Радиационный фон наводил ужас на всю страну, поэтому я, как и многие киевские дети, был в срочном порядке (практически в панике) выслан подальше от Киева, – в ссылку к тете и бабушке в Ужгород. Помимо обычной школы меня ждала спортивная школа по плаванию и музыкальная школа.

Достаточно быстро я стал лидером спортивной группы, однако это первенство оказалось скоротечным. Грипп, которым я совсем некстати заболел, расстроил все планы мирового чемпионства. Течение болезни было тяжелым и долгим. Выздоровел я только через месяц. Безжалостность тренера спортивной школы в части полного равнодушия к перенесенной мною болезни (естественный отбор доминировал в системе тренировок), лидерство девочек во всех видах плавания (включая субботние игры в ватерполо) удручали. Эти «косички и банты» вначале значительно опережают мальчиков в физическом развитии.

Развитию творческих мыслей способствовал длинный путь домой, пролегающий через историческую часть города. Гораздо позже я понял, что длинный путь домой это лучшее

из лекарств после стрессов тяжелых дней (послушайте песню группы Supertramp «Take a long way home» и вы меня поймете). Участок пути проходил мимо пещер, которые будоражили воображение и формировали планы первых в жизни исследований. План казался идеальным: побег из дома, фонарик, бутерброд. Таким планам, к счастью, не удалось сбыться, так как пещеры были давно замурованы (чтоб такие зеваки и «исследователи» как я, себя случайно не покалечили).

Успехи в музыкальной школе в пианизме и в технике игры на фортепиано (благодаря тете – музыкальной учительнице от Бога) затмевались тягостным бременем уроков сольфеджио. Нет, слух у меня определенно был, но еще была лень к тому, что давалось тяжело. Поэтому, сольфеджио меня не вдохновляло.

Но все же, без везения не обходилось. Среди моих «усердных» наставников в Ужгороде, к счастью, был и представитель сильного пола – мой двоюродный дядя (супруг моей тети). Конечно, его авторитет серьезно уступал папиному, но именно дядя открыл мне горные лыжи. Катаясь в стиле знаменитого итальянского лыжника Альберто Томбы, он был одним из немногих лыжников любителей, знакомым с этим видом спорта не понаслышке.

Горнолыжная инфраструктура в Закарпатье немногим отличалась от первобытных времен. Но радовал сам процесс. Варка алюминиевой пасты, смазывание лыж, подготовка лыжного снаряжения, подъем в 5 утра, проход через весь го-

род к вокзалу (общественный транспорт так рано не работал), длинный путь раздолбанной электрички. За 3 часа это транспортное средство, державшееся только на краске, преодолевало около 80—90 километров. Дальше – пешком в гору к бугельным подъемникам, медленный подъем на движущемся тросе на вершину горы. И наконец-то – спуск. Эх, романтика. Не то, что сейчас. Лучше всего суть ностальгического состояния передают слова песни В. Высоцкого «... На всем готовеньком ты счастлив ли, дурак?».

Конструкция лыж того времени, не позволяла быстро овладеть техникой катания. Однако терпение и внимание дяди давали результаты. Вид на заснеженные польские Татры, «назначение границ» (Словацкая и Польская территория просматривалась без бинокля) давало почву мечтать, а не просто упираться взглядом.

Тогда, также как раньше, моим самым сильным впечатлением был пример моих родителей. Харизма их личностей и успехи во всем, что было для меня важно и интересно в то время, наполняло меня чувством гордости.

Маму выделяла редкая красота, отличная память, усидчивость, успеваемость, волевой характер и спортивная подготовка (в 15 лет, в одиночных соревнованиях по большому теннису во Львове она заняла первое место). Эти ключевые качества и позволили ей сопровождать папу в походах на Кавказ и Памиро-Алай.

Папа был суперменом (чуть дальше, автор приведет неко-

торые реальные факты из жизни, которые дадут этому сомнительному утверждению право на жизнь»).

Впрочем, эта радость и гордость за успехи родителей не раз становилась серьезной помехой на моем собственном пути к успеху. Не следовало задирать нос там, где заслугам я был обязан явно не себе! Эх, понял я это только спустя много лет, когда стал замечать, мягко выражаясь, свое несовершенство. Начиная критиковать себя, постепенно, я открывал абсолютно не благостные стороны врожденного дефекта человека – свойства, в той или иной мере присущего всем людям – «считать себя самым умным».

Когда мне было 8, я все-таки испробовал альпинистское снаряжение. Родители меня взяли с собой на Памиро-Алай. Черета открытий и ярчайших впечатлений пульсировала с невиданной амплитудой и частотой. Первые перелеты из Киева в Ташкент на высоте 11 тысяч метров (под синевой ближнего космоса), поэзия песен Высоцкого, грозди звезд над головой, пролетающие спутники, которые видно невооруженным взглядом. Здесь я открывал все, что было больше «десятой доли таких красот и чудес». Те места, где скрыта истинная красота мира: бурлящие и гремящие потоки горных рек (через которые на руках папа переносил маму и меня), дикий мир животных, яки, смертельно ядовитые змеи редких видов (которые я раньше видел только в детском советском атласе). Не могли не отложиться в памяти настоящая жажда (экономия оставшейся воды питьем из крыш-

ки фляги), двойные круглые радуги вокруг солнца на фоне грандиозных ледников, трещины в ледниках. Особо порадовало купание в горячих горных источниках, искреннее радушие и гостеприимность горных азиатских народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.